

Weiss D. Personalstile im Sowjetsystem? Stalin und Chruščev im Vergleich // Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas. Festschrift für C. Gehrke / (Hrsg.) N. Boškovska, P. Collmer, S. Gilly u.a. – Bern/Frankfurt, 2002.

Weiss D. Prolegomena zur Geschichte der verbalen Propaganda in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1994. Referate des 20. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens / D. Weiss (ed.). München, 1995.

Walker E. W. Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2003.

Zybatow L. Russisch im Wandel: Die russische Sprache seit der Perestrojka (Slavistische Veröffentlichungen 80). – Wiesbaden, 1995.

© Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2008

Вайс Д.

Цюрих, Швейцария

Перевод: Таратынова Т.В.

**ЖИВОТНЫЕ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ:
ВЕРБАЛЬНЫЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ
СТЕРЕОТИПЫ¹**

Abstract

The author examines the regularities of using the images of domestic animals (cows, pigs and some others) in the soviet political texts. The author also compares the verbal and graphic images used in different periods of the history of the Soviet Union.

В настоящей статье автор делает попытку объединить темы двух исследований, впервые представленных на форуме Констанцкого кружка славистов: исследование языка советской пропаганды (ср. Weiss 1986) и зоолингвистики как науки о лексико-грамматической категоризации животных (ср. Weiss 1998a); следует добавить, что его зоолингвистические исследования взяли свое начало именно в Тюбингене.

Однако, если результатом исследования языковой пропаганды, благодаря пятигодичному финансированию Швейцарским национальным фондом и трёхгодичному проекту ИНТАС стал список публикаций, состоящий из 41й статьи (см. www.slav.unizh.ch/Mitarbeiter/weiss/Forschungsprojekte.html) и, к тому же, тематика данного исследования рассматривалась на Констанцском форуме с различных точек зрения, то зоолингвистике, за исключением настоящей статьи, не уделялось должного внимания. Наблюдаемая в настоящий момент лингвистическая незаинтересованность по отношению к «братьям нашим меньшим» контрастирует с усиленным вниманием к миру животных в литературоведении и истории, о чём свидетельствуют, например, сектор «Animals in

Russian Culture» на берлинском восточноевропейском конгрессе ICEES (Международный Конгресс Центрально- и Восточноевропейских Исследований – прим. переводчика) в 2005 году, а также запланированная на конец 2006 года конференция в Лозанне «L'utopie du vivant et les représentations de l'animal dans la culture russe» и конференция “The Other Animals: Situating the non-human in Russian Culture and History”, которая состоится в г. Роанок (Вирджиния) 17-19 мая 2007 года.

Культурное символическое значение животных составляет также основу настоящего очерка. При этом необходимо учитывать как минимум три смысловых уровня: 1) лексику естественного русского языка, в составе которой укоренились относящиеся к так называемой наивной картине мира среднего носителя языка такие понятия, как *волк, собака, акула, орёл* и т.д. вместе с их коннотациями, оценочными компонентами, их полисемией (буквальное и метафорическое/метонимическое значение), соответствующими фраземами и возможными синонимами, гиперонимами и т.д., 2) культурно-специфический инвентарь (передаваемый, например, посредством пословиц либо цитат из литературных произведений), благодаря которому появляются новые стереотипы представлений о животных, и 3) особую пропагандистскую переоценку определённых обозначений животных в вербальном и изобразительном рядах. Зоологические знания же едва ли имеют значение, так же, как и данные профессиональных языков охотников, рыбаков, пчеловодов, животноводов и т.д.

При систематизированном представлении обращения пропаганды к образам животных необходимо учитывать все возможные параметры. К таковым, прежде всего, относятся следующие:

- Онтологический статус: реально существующие либо фиктивные виды животных.
- Основные категории:
 - суша: четвероногие (животные, звери); пресмыкающиеся и т.п. (гады);
 - вода: рыбы и т.п.;
 - воздух: птицы.
- Отношение к человеку:
 - дикие/домашние животные;
 - полезные/вредители;
- Эмоциональное отношение, напр.:
 - восхищение/презрение;
 - умиление/отвращение;
 - надежда/страх.
- Отношение к другим животным:
 - хищник/добыча.
- Семантика: буквальное / фигуральное (метафорическое либо метонимическое) значение.
- Коннотации: источник / основа
 - повседневный опыт;
 - народные поверья / суеверия;

¹ Tiere in der Sowjetpropaganda: verbale und graphische Stereotypen. In: T. Berger, J. Raecke, T. Reuther (Hgg.), *Slavistische Linguistik 2004/2005*, München 2006, 423-465.

- античная либо христианская культурная традиция.

- Лексика / текст:
 - свободные / фразеологические словосочетания;
 - ± литературная традиция.
- Текстуальная функция
 - референциальная / предикативная;
 - общая / индивидуальная референция;
 - сравнение / метафора;
 - акт крещения (создание зоогенных имён собственных).

• Невербальные коды:

- геральдика (животные, изображённые на гербе):

- графический (на плакатах)
 - горизонталь: ось «лево-право»;
 - вертикаль: верх-низ.
- Политическая аксиология:
 - друг / враг;
 - постоянство / единичный случай.

Очевидно, что в отношении многих выше-названных полярностей фактически речь идёт о скалярных величинах. Данное положение, прежде всего, относится к свободным / фразеологическим сочетаниям и референциальному / предикативному употреблению (по крайней мере, по Арутюновой или Гивону). Кроме того, буквальное значение может комбинироваться с переносным вербально и / или графически.

Среди только что приведённых понятий краткого объяснения, по крайней мере, заслуживает понятие *коннотации*. Здесь мы взяли за основу работу Иорданской / Мельчука (1980): в ней учёные исходят из понимания коннотаций в узком смысле как языковых либо культурно-специфических ассоциаций, прочно связанных с главным словом; равно как и у Исаченко (1972) коннотации рассматриваются как особая, не имеющая отношения к толкованию значения, словарная информация. В отличие от вышесказанного, (а также от западной понятийной традиции) коннотации, напротив, не содержат таких оценочных компонентов как «хороший / плохой», «красивый / уродливый» и т.д.²

Главным преимуществом данного понимания коннотации является, однако, то, что для каждой коннотации требуется *языковое доказательство* в виде производных (метафорических) значений (напр. *свинья* 2), словообразования (*свинство*), фразем, пословиц и т.д. Тот факт, что даже прочно закрепившиеся ассоциации при известных условиях больше не могут считаться коннотациями, авторы иллюстрируют стереотипом тещи в русском языке.

Совершенно очевидно, что коннотации обозначений животных используются в пропаганде очень широко как в вербальном, так и в

изобразительном рядах. Возникающие в связи с этим методические проблемы будут подробно рассмотрены ниже. Здесь же следует указать лишь на связь с проблемой фразеологизации специфических пропагандистских словосочетаний и происхождения соответствующих стереотипных ассоциаций: будет ли допустимым содержание, имеющее своей основой суеверия либо интеллигентско-элитарную традицию?

Этим проблематика лексикографического анализа обозначений животных, однако, не исчерпывается. Помимо проблем, связанных с подбором представлением коннотаций, принципиально ставится вопрос, как должна выглядеть общая лексикографическая концепция, лежащая в основе наших исследований: где должна проходить граница между толкованием значения и энциклопедическими знаниями? Каким образом сгруппировать отдельные сведения? Литературные источники дают совершенно разные ответы: стоит только сравнить толкование слова «свинья» в ТКС (толково-комбинаторный словарь – прим. переводчика) [ТКС 1984: 722] с толкованием английского слова «*cow*» у Вежбицкой [Wierzbicka 1985: 247]. Если в первом случае характеристика внешнего вида и практической значимости для человека максимально ограничена и многие сведения (например, о свиноводстве) размещены в разделе лексических функций, то у Вежбицкой на протяжении более полутора страниц даётся подробная информация (здесь есть всё: от колокольчика на шее коровы до коровьего навоза), распределённая по категориям «Habitat», «Size», «Appearance», «Behaviour» и «Relation to People». Нам прежде всего будет интересовать вопрос о разграничении знаний языка и внеязыковой действительности, так же как и в случае со стереотипом свиньи под дубом, благодарного пса и лошади на колбасу.

Многие из вышеназванных параметров соответствуют намеченной в работе (Weiss 1998a) категоризации животных в наивной картине мира. Прежде всего, это касается интерпретации *основных категорий*, определяемых биотопом и способом передвижения относящихся к ним видов животных. Следовательно, понятие *животное* охватывает только четвероногих, а также подкатегорию диких животных (*звери*), благодаря чему первое находится на том же таксономическом уровне, что и рыбы, птицы и «животные, вызывающие отвращение» (*гады*), к которым в зоологии относятся земноводные и пресмыкающиеся, а также насекомые. Данная категоризация, несомненно, обнаруживает некоторые «fuzzy boundaries» (размытые границы – прим. переводчика), однако, она, в общем-то, совпадает с категоризацией, предлагаемой Гурой для русского языка; он также откачивает насекомым в автономном статусе и

² К вопросу о специфике коннотаций обозначений животных в русском языке в сравнении со среднеевропейскими языками см. (Исаченко 1972).

относит их к *гадам* (Гура 1997). Различные критерии установления гиперонимических отношений и их не всегда конгруэнтные результаты обсуждаются в работе (Weiss 1998a: 279-285), а сведения о специфических критериях отграничения категории *скотины* имеются у Рахилиной (Рахилина 2000: 17-20). Информации об эмоциональной оценке человеком, а также о пользе либо вреде того или иного вида животных являются составляющей частью толкования значения. Их роль в пропаганде противоречива в том смысле, что в случае буквальной интерпретации соответствующего обозначения животного речь идёт в основном о просветительской работе, имеющей своей целью изменение отношения к денотату, в то время как в переносном значении на первый план выдвигается именно укрепление унаследованного (традиционного) эмоционального отношения (отвращение, страх и т.п.). Однако стоит подчеркнуть, что и наивная картина мира как целое несвободна от непостоянства, и даже противоречий, как это можно проследить на примере собаки.

Техника оперирования *именами собственными* находит также различное применение: то типичная кличка животного, например, *Барбос*, употребляется применительно к человеку, то именами собственными людей становятся имена нарицательные, которыми обозначают животных (например, как *Чайка* и *Ястреб*, употребляемые по отношению к советским космонавтам В. Терешковой и В. Быковскому), или же создаётся новый гибрид из имени собственного человека и имени нарицательного, обозначающего животное, например, *Гиббельзьяна = Гиббельс + обезьяна*. Сюда же относится этимологическая игра слов, например, упоминание Хрущёвым кубинского Залива Свиней в соответствующем контексте (см. ниже пример б). Здесь, однако, следует отметить, что встречающиеся иногда в контексте мира животных синонимы, такие как *пёс / собака* и *конь / лошадь*, в пропагандистском дискурсе, по-видимому, не выполняют различительную функцию; в частности, устойчивые сочетания остаются теми же самыми, ср.: *цепной пёс = цепная собака*. Подтверждение фразеологичности (устойчивости) подобных словосочетаний должно в принципе проявляться во всех тех случаях, где речь идёт не об общеязыковой, уже существующей фраземе, ср. приведённое ниже обсуждение чужого свиного рыла в советском огороде.

При рассмотрении подобной темы *отбор данных*, несомненно, нуждается в подробном комментарии. Двойственная направленность на вербальные и графические пропагандистские документы требует своевременного намечения границы, по меньшей мере, при выборе жанра. В самом деле, это огромная разница: выступает ли Никита Хрущёв, вполне сведущий в делах сельского хозяйства и, следовательно, в содержании сельскохозяйственных животных, ли-

бо сказитель советского фольклора, с помощью сравнения в творительном падеже уподобляющий в былине коммунистическую партию то подпрыгивающей в воде щуке, то бродящему по лесу серому волку³. Так же и тот факт, что медведь, волк, кабан и белка оказывают военную помощь советским пограничникам в борьбе с японскими оккупантами на манчжурской границе, как это описывается в сказке «Как охотник Фёдор японцев прогнал» (Weiss 1999b, 283 стр.), ещё не делает их верными членами собственного лагеря. Иначе это привело бы к переоценке всех ценностей, поскольку волк традиционно символизирует воплощение капитализма и фашизма. По этой причине в настоящей статье мы не стали рассматривать архаизированные крупные формы советского фольклора (былины, плачи, волшебные сказки), тем более что данные жанры находятся на периферии пропагандистского дискурса, а их употребление ограничено периодом с 1934 по 1953 гг.⁴ С другой стороны, малые жанры современного городского фольклора, такие как *частушки* или так называемые советские *пословицы*, вошли в корпус, поскольку населяющая их фауна по частотности и сочетаемости гораздо лучше соответствует узусу пропаганды, несмотря на отдельные отклонения, вроде: «обиженный народ хуже ос жжёт» (Weiss 1999b, 313). Тот факт, что учитывается также не имеющая отношения к фольклору стихотворная продукция, например, произведения придворного кремлёвского поэта Демьяна Бедного, не нуждается в разъяснениях.

Подобное верно и для графической пропагандистской продукции: исследование творчества знаменитых карикатуристов таких, как В. Дени (Deni 1992), коллектива Кукрыниксы (Кукрыниксы 2006) или даже Д. Моора показывает, что они не всегда использовали те же самые образы животных, что и «Окна сатиры РОСТА» (Kummer 2006). К этому доходит *историческая перемена* советской пропаганды, являющаяся особенно очевидной при рассмотрении анималистской субтемы (ср.: Вайс 2000): Ленин и его соратники были, например, более близки риторической традиции международного рабочего движения, чем их последователи, и поэтому им, были не чужды образы змея и гид-

³ Ср.: «Как коммунистическая партия большевиков, как *щук*ой в воде подпрыгивала, как *серым волком* в лесу прихлестывала...», процитировано в (Weiss 1998: 473), Zum archaisierenden Spuk der stalinistischen sogenannten Sowjetfolklore allgemein (см. также Weiss 1999).

⁴ Тот факт, что подобный отказ является вполне обоснованным, явствует также из процитированного в (Weiss 1999b) пассажа из новины Крюковой «Красной Армии честь-славушка великая», где ледоколы мгновенно превращаются в соколов: «Выходили-то тут ледоколики, наши советские соколики», эпитет, который в традиционном жанре пропаганды изначально относится к советским летчикам. Но и этого недостаточно: те же соколы превращаются ещё и в перелётных птиц, ср.: «Не пароходами шли, летели птицей перелётною!».

ры. Здесь следует отметить, что после ухода Хрущёва в 1964 году зоологические метафоры стали всё больше выходить из употребления, что и в несоциалистических странах является показателем перелома тенденции развития, наблюдаемого по процессам демегафоризации либо интеллектуализации; однако, зоологические метафоры до сих пор сохранились в пропаганде стран третьего мира, таких как Иран и Зимбабве. Мотивы «Окон РОСТА» учитывались по причине большого количества отсылок к реальным вредителям из царства насекомых, а возвращение к этому жанру комиксов в окнах ТАСС во время Второй мировой войны частично дополнило нашу картину пропагандистского зоопарка. С другой стороны, из соображений экономии места мы отказались от исследования образов животных в советской рекламе (например, продуктов питания), хотя по официальной терминологии реклама является вполне пропагандистским видом деятельности; читателям, интересующимся этим вопросом, мы рекомендуем обратиться к очерку о советской рекламе продуктов питания (Weiss 2005a), предваряющему более полное исследование (Вайс 2007).

Чтобы наглядно продемонстрировать различное происхождение стереотипов животных на местном материале, мы поместили сюда стенной фриз (ему приблизительно 90 лет) Цюрихского окружного суда:

Как видно, иконографическое значение символа лишь частично определяется коннотацией соответствующего обозначения животного. Это верно для собачьей преданности, змеино-коварства и, возможно, вороватости сороки. Мудрость же совы, хотя и обладает статусом коннотации в Западной и Центральной Европе, в России такового не имеет: эти данные были получены в ходе спонтанного опроса носителей языка с одинаковым уровнем образования (средним и отчасти высшим). Лексема *сова* лишь в одном случае вызвала ассоциацию *мудрость*, во всех остальных ответах доминировала коннотация «ночное животное», на которой основано метафорическое обозначение утомлённого от бессонной ночи человека (в противоположность человеку бодрому по утрам, называемому *жаворонком*). Если же мы обратимся к рассуждениям Гуры (Гура 1997: 568-586), согласно которым в народных поверьях Восточно-Центральной и Центральной Европы сова фигурирует, прежде всего, как провозвестница скорой смерти, но также и рождения, то увидим, что эта птица являет собой наглядную иллюстрацию приведенных выше трех типов коннотаций: наряду с повседневным опытом источниками могут служить (народно-) религиозные представления и традиционное содержание образования. Какие из них должны обладать статусом коннотации в словаре, определя-

ется, однако, вышеназванными языковыми доказательствами. Впрочем, названные ассоциации могут диаметрально противоречить друг другу: так, в народных поверьях Центральной и Западной Европы сова считается как раз символом глупости (Gattiker 1989: 344).

Что же касается двух оставшихся аллегорий на вышеуказанном стенном фризе, то алчность изображается на неконкретизированном примере хищной кошки (пантера? пума?), т.е. на гиперониме; при этом алчность соответствует в данном случае не коннотации, а компоненту значения, так же, как в русском слове *хищник*. И, наконец, наглядное представление любви, вероятно, большинством зрителей не может быть расшифровано: мотив родителя-пеликана, разрывающего себе грудь, чтобы вскормить⁵ кровью своих птенцов и, тем самым, символизирующий не эротическую, а заботливую (родительскую) любовь, хотя и указывает на почтенный возраст (этот образ встречается уже в переведённом на церковнославянский язык трактате «Физиологус»), сегодня, вероятно, знаком лишь меньшинству членов немецкой (или тем более, русской) языковой общности.

После этих прелиминарий самое время представить кандидатов в советский пандемоний. Ограниченный объём моего корпуса текстуральных и графических примеров исключает всякие претензии на полноту; помимо этого, не могут упоминаться и временные ограничения, даже если в отдельных случаях подобные ограничения, например, трудами Ленина либо периодом Великой Отечественной войны кажутся вполне вероятными.

Дифференциации требуют и различные текстуральные вставки – если, например, обозначение животного появляется исключительно в устойчивом сравнении, например: «Будем *драться как львы*» (Н.С. Хрущёв), то этим усугубляется несомненно более слабая политическая соотнесенность, чем в словосочетаниях *фашистские звери* либо *акулы капитализма*. Здесь следует обратить внимание и на аксиологический конфликт: тот же Хрущёв в

⁵ Внимание автора на эту взаимосвязь обратил В. Леманн.

другой речи обыгрывает геральдическую отнесённость этого хищника, говоря о рычании британского льва (см. ниже, пример 30). Гербовые животные американских республиканцев и демократов, слон и осёл соответственно, тоже вдохновляют его на ономастические импровизации (К победе разума, 67 стр.).

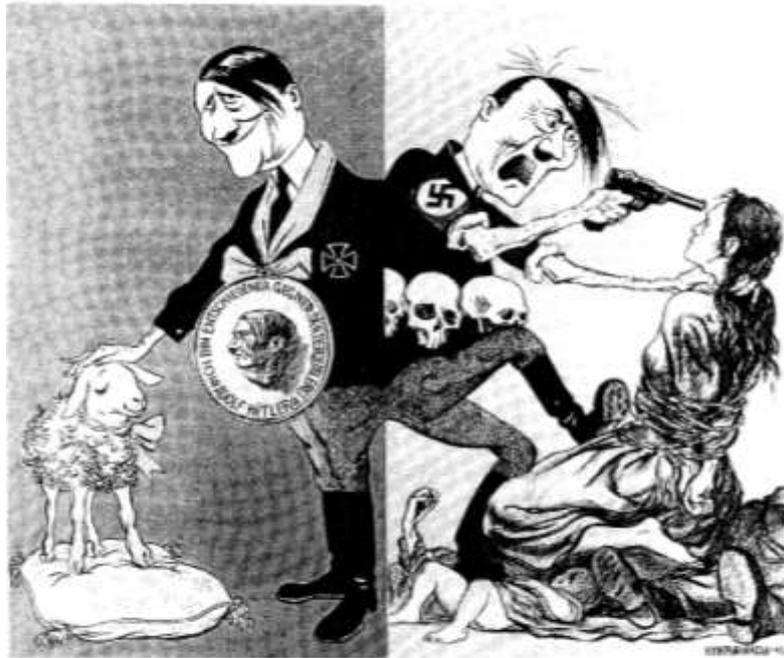
Независимо от таких необходимых уточнений сразу же бросается в глаза значительная асимметрия: на стороне своих представлены только орлы (как личный символ Сталина) и сокол (как символ *сталинских соколов*, т.е. пилотов советских ВВС), а голубь, являясь символом мира, изначально занимает аксиологически нейтральную позицию, даже если с пропагандистской точки зрения собственный лагерь приравнивается к лагерю мира. В противоположность этому зверинец лагеря противников населён огромным количеством обитателей, которых можно образно интерпретировать и которые происходят от всех мыслимых биотопов и включают как домашних, так и диких животных:

- звери • волк, тигр, обезьяна;
- домашние животные • пёс / собака, свинья,

- курица, дойная корова, овца;
- гады • змея, крыса, паук, трутень, вошь, клоп, блоха, муха, козявка, жаба / лягушка⁶;
- рыбы • акула, спрут;
- птицы • стервятник.

Из выдуманых животных ранняя советская пропаганда использует по меньшей мере змея и гидру, позднее (прежде всего, в период Второй мировой войны) упомянутых человекообразных существ, в основном в виде приматов либо свиней; но голову Гитлера насаживали и на туловище лошадей, змей и коров. Среди гиперонимов наивной картины мира обнаруживаются, по крайней мере, следующие: *хищник, зверь, гадина, нечисть*. Возможны также и гипонимы – вместо обезьяны, например, *мартышка*, собаки – *моська*. Помимо аксиологически «заряженного» употребления, названия отдельных видов упомянутых животных употребляются также в нейтральном значении, прежде всего, в сравнениях. Как будет показано дальше, имеются и универсально-нейтральные виды животных, например, лошадь в роли упрямого животного и средства продвижения; в це-

ЛЮДОЕД - ВЕГЕТАРИАНЕЦ. ИЛИ ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ

Адольф Гитлер объявляет себя убежденным вегетарианцем. Он выставляет медаль со своим портретом и надписью: «Я — решительный противник убийства животных, Адольф Гитлер».

Этот добрый
Человечек
Заявил себе медаль:
— Мне зарезанных
Овечек
И барашков
Очень жалко.

Как известно,
У медали
Есть другая сторона,
И из ней
Мы прочтали
Резкие заявления:
— Не нужна мне кровь овечья,
А нужна мне человечья!

Рис. 1.

⁶ Поскольку пока оба этих вида встречаются в фотодокументах лишь один раз, их трудно разграничивать. В этой связи следует напомнить, что лексема «лягушка» в русском языке в отличие от немецкого, польского и чешского языков, обладает в основном лишь отри-

цательной коннотацией «мокрая, скользкая»; соответственно употребление этой лексемы в качестве уменьшительно-ласкательного имени едва ли возможно (ИСАЧЕНКО 1972, 81); таким образом, степень её отвратительности несущественно отличается от таковой у жабы.

лом же названия сельскохозяйственных животных, употребляемые в своём прямом значении и являющиеся темой хрущёвских речей, ещё не поляризованы по аксиологическому признаку: т.е. не соотносятся с лагерем своих либо противников. Кроме того, некоторые животные косвенно причисляются к противоположной стороне по той причине, что метонимически они указывают на смерть и гибель врага, например, ворон и чёрная кошка как спутница прорицательницы, предсказывающей несчастье. С другой стороны, вера в подобные приметы, связанные с животными, в ранней пропаганде как раз бичуется как символ умственной отсталости (см. ниже пр. 32). Кошка, впрочем, фигурирует и как объект склонности юных немцев мучить животных⁷, ср. «Шаловлив был юный Фриц, Резал кошек, вешал птиц» (Кукрыниксы 2006: 46). Мотив жестокого обращения с животными, может, однако, употребляться и в противоположном по смыслу контексте: на рис. 1 (Кукрыниксы 2006, 18) вегетарианство Гитлера и неприятие жестокого обращения с животными («мне зарезанных овец / И барашков очень жаль») противопоставляется его убийственно-жестокому обращению с людьми (не нужна мне кровь овечья, а нужна мне человечья)⁸.

Каким бы предварительным не казался этот список, определённые пробелы всё же очевидны. Так, до сих пор в моих материалах ни разу⁹ не упоминается *русский медведь*, если не принимать во внимание советский фольклор, а равно и *лисица* как воплощение хитрости (однократно употреблённая Хрущёвым пословица «голодной лисе курицы снятся» не является соответствующим доказательством) или *заяц* как символ трусости; столь употребительное в бытовой речи ругательство *скот* или *скотина* также до сих пор не представлено, если не учитывать относящееся к Лавалю сравнение «Французов продаёт как скот? Вот, вот!» [Окно ТАСС, надпись: «Подлую тварь – на фонарь!» (Кукрыниксы 2006: 56)]. Данный случай ещё раз наглядно демонстрирует проблематику однократных сравнений: на основании одного-единственного примера французам нельзя приписать безучастность крупного рогатого скота, поскольку фактически предметом обсуждения является поведение агенса. Аналогичным образом и слон не становится символом советской державы в заявлении Хрущёва, что Бундесвер лает на Красную Армию как

моська на слона (см. ниже пример 22). Здесь следует напомнить о существовании идиом с полностью десемантизированными обозначениями животных: если Геббельс врёт как *сивый мерин*, то по этой причине мерин не может быть отнесён к врагам.

1. Домашние животные

Мы начнём обзор политического зверинца с наиболее близкого человеку раздела: *домашних животных*. В нём речь пойдёт о четвероногих, лишь в одном случае мы упомянем и кур. Затем последуют дикие обитатели суши (*звери*). От обсуждения *гадов*, *птиц* и *рыб* из соображений экономии места приходится отказываться, однако, можно сослаться на достаточно подробное описание первых (в особенности пауков, клопов, блох и мух) в работе (Weiss 2000) и, прежде всего (Weiss 2005b); см. также о птицах (басня о куликах) (Weiss 2002: 239 и далее).

На рис. 1 уже продемонстрирована определённая практическая польза животных, а именно их съедобность. Пока будет и в дальнейшем рассматриваться полярность «полезный – вредный»; в то же время можно проиллюстрировать и различные эмоциональные стереотипные оценки тех или иных видов животных. Чередование примеров всегда подчиняется принципу «сначала буквальное значение, затем образное». Пусть первым домашним сельскохозяйственным животным будет *корова*. Во времена Хрущёва её особое значение в качестве поставщика мяса и молока возросло в период пропагандистского упоения производственными цифрами, ведь тогда и в сельском хозяйстве было объявлено мирное соревнование двух систем (ср. реанимированный тогда с особым рвением ленинский лозунг «Догнать и перегнать Запад!»). Текстовых примеров, подобных приведённому ниже, в то время было очень много:

- (1) От каждой коровы надоено по 3112 килограммов молока, тогда как в среднем по колхозам и совхозам республики надоё молока составил 1520 килограммов. Конечно, армянские руководители могут сказать: сейчас 1520 килограммов, а семь лет тому назад в среднем удои были всего по 300 килограммов от коровы, а ему все мало. (Оживление в зале.) Да, мало! Не мне мало, вам мало, потому что растёт республика, растёт её хозяйство, растут её экономика, культура, растут потребности народа. (Аплодисменты.) То, что было сделано за семь лет, за это благодарим. За последние годы мы увеличили производство продуктов животноводства в 2 — 3 раза и выше (Коммунизм – мир и счастье народов 1, 91).

⁷ Кстати, такой же стереотип засвидетельствован и в характеристике юношеских годов Саддама Хусейна.

⁸ О мотиве людоедства в советской пропаганде см. (Weiss 2000: 251).

⁹ У Хрущёва встречается однократное сравнение походки Мао Цзэдуна с походкой медведя.

Тот факт, что западный соперник не всегда принимал всерьёз подобное бахвальство, мало волновал "генсека", ср. его ответ на одной из пресс-конференций:

- (2) Б. Катлер. Г-н Хрущев, меня также интересует *мясо*. Я слышал, что специалисты говорят, что ни одной стране в мире еще не удавалось увеличить производство мяса *в три с половиной раза за четыре года*. Может быть, у вас, коммунистов, есть какой-нибудь способ обеспечения того, чтобы *каждая корова давала близнецов?*

Н.С. Хрущев. Это тоже возможно в природе (оживление, смех). В природе бывает, что не только близнецов, но и тройню приносят коровы, но, конечно, мы не на это делаем ставку. Расчет следующий: при решении этой задачи главное место в нашем мясном хозяйстве будет занимать *свинина*, потому что свинья – плодовитое животное, и здесь возможности увеличения мяса неограниченные; *птица* также будет иметь большое значение – тут тоже возможности большие. Я считаю, что по производству *говядины* мы в этом пятилетии будем еще иметь *некоторые недостатки* и поэтому мы держим сейчас курс, чтобы больше производить свинины не *сального* направления, а *беконного*. Ведь живут англичане, и не плохо живут, когда питаются беконом. Так почему же русским, украинцам и другим народам Советского Союза *бекон* не под силу для переваривания? По-моему, это также очень хороший и вкусный продукт. Если вы имеете какое-либо отношение к сельскому хозяйству, то вы должны также учитывать следующее: до этого времени *забой крупного рогатого скота* у нас шел главным образом в годовалом возрасте, то есть забивали *телят*. Мы сейчас хотим несколько придержать забой телят с тем, чтобы забивали крупный рогатый скот в двух трехлетнем возрасте. В этом случае ресурсы могут вырасти в 2-3 раза, ведь ресурсы растут в зависимости от того, забивают ли *теленка* месячного возраста, годовалого возраста или забивают скот 2-3-летнего возраста. А нам, *чтобы догнать Соединенные Штаты*, надо увеличить выпуск продуктов точно в 3,15 раза (За прочный мир).

Таким образом, вроде бы уже прояснилась и связь между скотоводством и свиноводством. Но прежде чем мы оставим тему крупного рогатого скота, следует обратить внимание на его эмоциональные потребности. Следующие два плаката того же периода полностью проясняют ситуацию: корова и телёнок нуждаются в эмоциональном отношении, и кто лучше женщины мог бы обеспечить подобное отношение (рис. 2 и 3)?

От пользы до злоупотребления коровой:

этот мотив тоже не чужд советской пропаганде, прежде всего, если нужно было разоблачить досоветское невежество. На этот раз она запрашивает наше сочувствие, прибегая к уменьшительно-ласкательной форме:

- (3) Раньше все грехи валили на бедную нашу коровушку, считая ее малоудойной. Оказалось, и она способна на чудеса, надо только ее как следует кормить. У крестьянина прежде корова содержалась впроголодь. Весной, чтобы она не подохла, раскрывали крыши сараев и скармливали ей гнилую солому. Откуда же было взяться молоку, если к весне оставался скелет, обтянутый кожей (Воспоминания, 465).

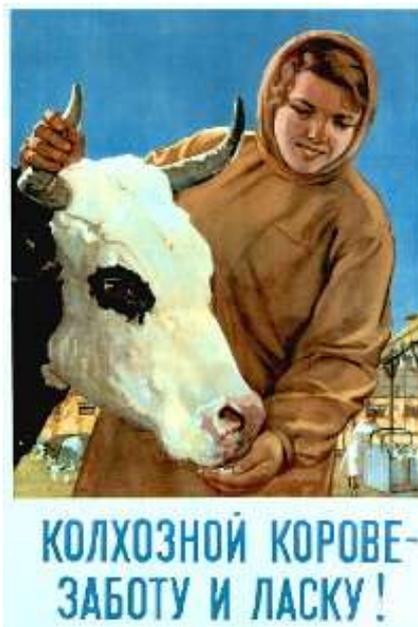

Рис. 2.

Рис. 3.

Корова, используемая в корыстных целях, предстаёт перед нами прежде всего в образе *дойной коровы*, подводящем нас к метафорическому образу крупного рогатого скота. Конечно, в данный период дойная корова оказывается на вражеской стороне, ср. карикатуру времён Суэцкого кризиса в 1956 году, где три персонифицированных западных державы выдаивают из вымени Ближнего Востока нефть и кровь

(рис. 4; если подключить воображение, то в очертаниях вымени можно узнать южное побережье Аравийского полуострова).

Рис. 4

Мотив дойной коровы встречается и на военном плакате коллектива Кукрыниксы (2006: 40): на этот раз корова изображается с головой Гитлера. Но показательно, что и Хрущёв потом употребляет этот мотив в своих мемуарах, на этот раз применительно к социалистическим братским странам, считающим СССР дойной коровой:

- (4) Много разных вопросов возникает в отношениях между социалистическими странами. Если их не ставить и не решать, то даже рассориться можно. Нам бывает обидно оттого, что другие социалистические страны смотрят на Советский Союз, как на огромную дойную корову. А ведь мы живем хуже большинства тех стран, которым помогаем. Жизненный уровень определяется потреблением на душу населения. Возьмем, к примеру, потребление мяса. В 1964 году в ГДР приходилось в год на человека до 75 килограммов, у чехов – до 65, у поляков – под 50, следующими шли венгры, потом лишь – Советский Союз, а ниже нас по мясу болгары – по 26 килограммов (Воспоминания, 325).

Потребление мяса на душу населения снова оказывается показателем благосостояния, благодаря этому даже реально существующие советские коровы косвенным образом попадают под прицел.

Поскольку пример 2 является своего рода мостиком от говядины к свинине, свинья будет нашим следующим кандидатом. Рис. 5 ещё раз наглядно демонстрирует её гендерную составляющую. В следующем произведении колхозной лирики поросёнку сразу же достаётся всё внимание всего общества, и, помимо прочего, эксплицируется связь с кукурузоманией то-

гдашнего первого лица государства:

- (5) Поросятам я отдам
Все свои старания
Поросенок, что ребенок, –
Требует внимания.
Кукурузу силосуем
Всем своим народом!
Это значит – голосуем
За свинью с приплодом.
Смоленск, 1956.

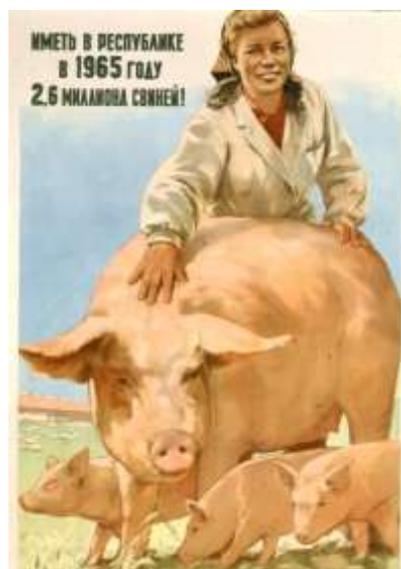

Рис. 5.

Данные примеры в полной мере показывают, что свинье как реально существующему сельскохозяйственному животному обеспечено прочное место в лагере «своих». По-другому дело обстоит со свиньёй в метафорическом значении – она сразу же переносит нас в царство «чужих». Так, Хрущёв, проведя ономастический экскурс, сразу же посылает к свиньям и участников неудавшейся американской интервенции в Залив Свиней:

- (6) Под руководством мужественного патриота и революционера Фиделя Кастро кубинцы быстро разгромили американских наемников, сбросили их в залив *Кочинос*, что порусски означает «Залив свиней». Туда им и дорога! (Смех в зале. Бурные аплодисменты.) (Коммунизм – мир и счастье 2, 24).

Серьёзным кандидатом на роль топоса является метафора чужой свиньи, сующей своё рыло в советский огород, ср. следующий пример:

- (7) ...если посмеют они *сунуть свои свиньи рыла в наш советский огород...* (1951 г. цитата взята из работы Ржевский 1951)

Здесь, казалось бы, напрашивается срав-

нение с действием человека: *сунуть свой нос не в свои дела* значит вмешаться в чужие дела; и того, чего человек добивается носом, свинья достигает с помощью рыла. Но на самом деле имеется в виду большее: враг не просто вмешивается, он вторгается на нашу территорию. Цель подобных действий, по всей вероятности, будет разъяснена в одном из Окна РОСТА, приведённых ниже: пока только напомним, что *рыло* является производным от *рыть*. Если что и вызывает определённые сомнения с языковой точки зрения, так это устойчивость данного сочетания. Обычные справочники (Душенко 1997; Мокиенко, Никитина 2005) здесь помочь не могут, зато Интернет сразу же даёт необходимое разъяснение:

- (8) В речах наших вождей неизменно звучало, что мы готовы достойно встретить врага, ответить ударом на удар, пусть только посмеет "сунуть свиное рыло в наш советский огород". Нас убеждали, что враг будет разгромлен на своей территории. www.chrab.chel.su/archive/10-08-04/3/A132185.DOC.html

Более того: оказывается, что это сочетание до сих пор «бесчинствует» у «правых» русских в виде устойчивой цитаты. Ср.:

- (9) И нам надо держать порох сухим, дабы никому неповадно было даже помыслить о том, чтобы «сунуть свиное рыло в наш советский огород». www.pravaya.ru/look/7829

Литературная генеалогия, в свою очередь, раскрывается в следующем отрывке, отсылающем нас к существовавшему ранее образу врага:

- (10) Конечно, Питер даже в этой стезе остается Питером, но, кажется, *свиноподобье рыл есть повсеместная российская константа*. Это уже – не русские, не украинцы, не белорусы, не евреи и татары, а какая-то иная народность – *чиновники*. Все те же и там же – *по Гоголю, по Салтыкову* – мерзкие рожи, *свиные рыла*, гнусные хари... www.litafisha.ru/periodica/?id=299&t=t&n_id=34

Наш топос представлен даже в кино: в сценарии колхозной баллады «Трактористы» 1938 года есть сцена, где поначалу во вторжении обвиняют настоящую свинью (при этом наша фраза подвергается украинизирующему остраниению)¹⁰, в которой собеседник сразу же признаёт свинью метафорическую – олицетворяющую кайзеровскую империю Вильгельма:

- (11) А що же – выпрямляется дед. – У меня бердан пристрелянный... – он вскидывает старенькую свою берданку к плечу, прицеливается в пугало (голова пугала – огромный полосатый арбуз).
Громкий выстрел...
Арбуз разлетается в куски.
– О так *всякого борова, який полезет у наш баиштан!* – молодецки говорит дед и отставляет ногу.
– Правильно, диду, – восхищенно орет Кирилл Петрович. – Помнишь, старый, *как мы их в восемнадцатом!*¹¹

Символом стала политическая свинья в Окнах РОСТА (Kummer 2006: 305): под деревом, означенным «РСФСР», роется свинья в цилиндре (опознавательном признаке капиталистов), сопровождающий текст гласит: «*подрывало корни/белогвардейское рыло*», что с одной стороны является ответом на заданный в предыдущей выборке вопрос: «А что в это время делают кадеты / Большевики и эсеры?», с другой стороны, вероятно, объясняет цель свинского вторжения на нашу территорию. Следовательно, в данной выборке графический код представляет основной источник метафор – цель метафоризации, обладающую метонимическими свойствами реципиента, в то время как вербальный код называет только реципиента – цель, а на источник лишь намекает посредством метонимии. Поскольку немецкий глагол *wühlen*, как и русский глагол *подрывать* тоже может иметь метафорическое значение «подкапывать», то такой образ больше всего подходит для метафоризации сталинской фобии перед иностранными шпионами.

Ввиду того, что результатом подрывной деятельности свиньи является потрава полей, у нас возникает вопрос, не о кабане ли здесь идёт речь. Но подтверждение того факта, что имеется в виду именно кабан, не встречается ни в графических, ни в вербальных источниках. Как бы то ни было, «*сунул враг своё рыло в наш советский огород*» – пропагандистская фраза, первоисточник которой ещё не известен¹², но которая в определённой степени восходит к литературе 19-го столетия. Её лексикографический статус зависит от того, какое значение мы придаём пропагандистскому дискурсу в рамках русского литературного языка: если мы отнесём фразему к последнему¹³, то в этом случае при склонности к подрывной деятельно-

¹¹ Последняя формулировка наводит, естественно, на вопрос «Кто кого?» – всё-таки брестско-литовский мир сами большевики считали тогда позорным. Но подобные исторические тонкости были полностью чужды сталинской пропаганде 30-х годов, проходящей под знаком нового советского патриотизма.

¹² Возможно, в этой формулировке данная фраза восходит к песне В. Мурадели, процитированной в примере 31.

¹³ Некоторые носители языка считают усечённый вариант *соватья в чужой огород* уже фраземой.

¹⁰ Украинизмы в пырьевских комедиях являются, как правило, украшением, а не показателем каких-либо постоянных характеристик персонажей.

сти иметься в виду будет коннотация лексемы *свинья*; иначе мы имели бы дело с энциклопедической информацией по московской лексикографической концепции.

Но как обстоят дела с коннотациями лексемы «свинья» в русской бытовой речи? Ведь ТКС 1984 года насчитывает не менее пяти коннотаций, а именно: 1) чрезмерная полнота, 2) нечистоплотность, 3) неразборчивость, всеядность, 4) примитивное и наглое поведение, хамство, 5) неблагодарность. Опять же, пункт 1-ый встречается на плакатах Окна РОСТА, где спекулянт изображён в виде толстой свиньи в человеческой одежде (Kummer 2006, 202); затем – конечно же, на более поздней карикатуре – Геринг также изображается толстой свиньёй. Нечистоплотность свиньи (2), напротив, имеет свои пределы в отличие от Пастернака, таковых не знающего: так как «Доктор Живаго» был опубликован за рубежом, некий С. В. Ефимович в 1958 году щеголяет в своей речи следующими перлами (потом заявил, что это Хрущёв продиктовал ему этот пассаж):

- (12) Свинья ... никогда не гадит там, где кушает ... Поэтому, если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал (Душенко 1997, 321).

Метафора свиньи «приклеилась» к Пастернаку: так, в ЛГ 28/03 Евтушенко вспоминает, что в московском Дворце спорта он был свидетелем того, как тысячи комсомольцев, никогда не читавшие «Живаго», аплодировали требованию выгнать Пастернака из страны «как свинью, подрывающую рылом наш советский огород» (указание С. Курт). Таким образом, проявляется наконец *figura etymologica*.

У карикатуристов Второй мировой войны свинья приобретает ещё одну ассоциацию, которую в вышеупомянутом перечне коннотаций уместнее всего было бы отнести к примитивному поведению: *бескультурье*. Рис. 6 и 7 наглядно демонстрируют эту черту у нацистов: сопроводив стихами «Зачем свинье культура и наука? Ведь кругозор её до крайности убог: «Майн Кампф» – предел её *свиного хрюка*. А идеал – фельдфебельский сапог!», В. Дени просто насаживает свиную голову с чертами лица Гитлера на нацистский сапог, топчущий культурные ценности (Deni 1992: 127); в работе (Кукрыниксы 2006: 43) нацисты со свиными рылами разбивают бюст Гоголя (заголовок: «Фашизверги в Сорочинцах»). Подобная враждебность в отношении образования лучше всего подходит на роль полной противоположности собственной системы ценностей, в которой тогда традиционное образование (иначе, чем в начале 20х годов) занимало очень важное место.

Наше следующее сельскохозяйственное животное – лошадь. Её роль упряжного животного в сельском хозяйстве является совсем не-

однозначной. Плакат на рис. 8 (Bonnell 1997) датируется периодом принудительной коллективизации, обращение предельно ясно: вместо того, чтобы забивать скот или продавать его перед вступлением в колхоз, как это повсеместно происходило в действительности, крестьяне должны сдавать его в колхоз целым и невредимым: и, таким образом, корова и лошадь единодушно следуют за крестьянкой¹⁴.

Рис. 6.

Рис. 7.

¹⁴ Материалы по вопросу о гендерно-исторических предпосылках этого и аналогичных плакатов см. в (Bonnell 1997: 101-114).

Рис. 8.

Рис. 9.

Если лошадь здесь оказывается незаменимым спутником колхозницы, то на более позднем плакате у первой снова выбивают почву из-под ног. Легко видно, что создание плаката следует в данном случае преобладающему и в тогдашней вербальной пропаганде противопоставлению «раньше – теперь»¹⁵: слева представлены сцены из Старого мира с их хлопотными личными заботами, а справа – прекрасный коллективизированный и механизированный Новый мир, главным героем которого, что неудивительно, является трактор, изображённый справа сверху. Этот трактор заменяет лошадь слева: не напрасно же его в пропаганде облагораживают, называя *стальным* или *железным конём*. И конечно, сияющий светлый

¹⁵ С текстовыми примерами различных жанров по данной тематике можно ознакомиться в раб. Вайса (ВАЙС, 1998b, 480u.1999b, 281. ff.).

образ на переднем плане это трактористка; правда, её машина скрыта за типичными для этого времени лозунгами.

Именно на плакате лошадь используется как верховое животное, точнее, как боевой конь. Всадником в большинстве случаев является красноармеец. Как видно на рис. 10, первый олицетворяет более простой вариант, второй демонстрирует распространённую в военной пропаганде историческую параллель, в данном случае с победой Александра Невского над немецкими рыцарями, и является своего рода случайностью: с момента последнего немецкого поражения прошло как раз 700 лет. Если на рис. 10 имеет значение вертикаль – «верх», которая в работе Лакоффа и Джонсона (1980: 16 и далее) обозначает «высший по социальной иерархии, доминирующий», то становится ясно, кто должен сидеть на коне. На рис. 10 семиотируются сразу все три размерности пространства: наряду с вертикалью «победители – побеждённые» историческое значение приобретает глубина, поскольку очевидные современные события протекают параллельно событиям, имевшим место 700 лет назад (седая старина подчёркивается цветовым разрешением в бледных тонах); а латеральное соотношение «лево – право», на рис. 9 ещё изображавшее временную ось, в данном случае обозначает географическое положение (оба раза враг нападает с Запада).

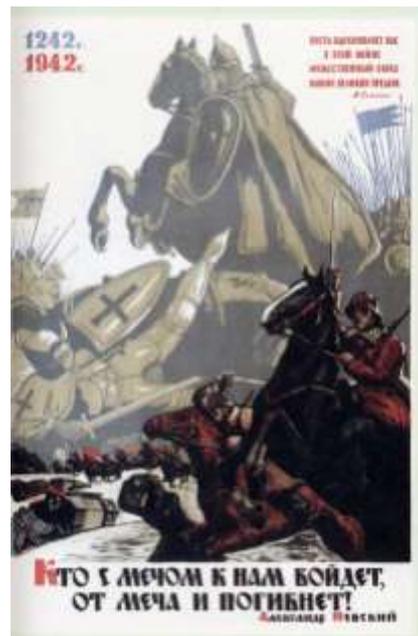

Рис. 10.

Вербальный ряд тоже имеет двойственную природу. Словам внизу плаката, сказанным якобы Невским, соответствует выдержанная в тонах, отображающих действительность, цитата Сталина, также эксплицирующая историческую параллель. Историческая параллель на плакате, возможно, несколько преувеличена в том отношении, что в реальной суматохе войны со-

ветские всадники могут победить немецкие танки, но пропагандист имеет полное право на подобную поэтическую свободу¹⁶.

По причине только что рассмотренного значения вертикали вообще-то можно было бы ожидать, что верховая лошадь находится на службе только у «своих». На самом деле это не так: противник иногда тоже подъезжает верхом, но в этом случае его сбрасывают на землю. Такова судьба и сидящего на лошади задом наперёд Дуче в «Проекте памятника Муссолини» (Кукрыниксы 2006: 87). Иногда и упряжная лошадь не справляется со своей службой, как, например, кобыла с чертами лица Гитлера на рис. 11, которая согласно приведённой вверху плаката цитате Крылова упала на днепровских позициях со сломанной оглоблей, в то время как провозвестник несчастья Геббельс беспомощно мечется в воздухе (Кукрыниксы 2006, 112).

Опять же именно представитель советской власти проводит литературную параллель, ср. указание на источник внизу справа.

Рис. 11.

В русском контексте использование лошади как поставщика мяса считается, скорее, маргинальным; однако в советском многонациональном государстве должны учитываться самые разные вкусы. В следующем фрагменте речи, с которой Хрущёв выступал в Казахстане, генсек даёт понять, что ему, в отличие от слушателей, эта пища скорее чужда, но он полностью открыт новому; при этом он кокетливо переходит от жирности конины к собственной полноте:

- (13) Вам надо, товарищи, всемерно развивать табунное коневодство как мясное коневодст-

¹⁶ В советском фольклоре послевоенного времени встречаются еще более яркие анахронизмы: например, над немецкими танками одерживается верх с помощью *дубинушки* (Weiss 1999b: 298).

во. Думаю, что мне нет нужды вам говорить о том, что конина – вкусное и питательное мясо. Как видите, я становлюсь как бы казахом. (*Продолжительные аплодисменты*). Вчера меня угощали здесь кониной. Она мне понравилась, вкусное мясо, но очень жирное. Правда, может быть, мне это показалось, так как я сужу о жирности мяса, учитывая свою комплекцию. (Веселое *оживление в зале*.) Но я со всей серьезностью хочу сказать, что конское мясо это питательный, высококалорийный продукт и дешевый. У вас в республике, да и не только у вас, а и в других наших республиках есть много людей, которые привыкли к этому мясу, любят его. Пусть кушают на здоровье! (*Аплодисменты*.) Тем более, что это дело сугубо добровольное: не хочешь, не кушай.

[...] А то, я вижу, здесь табунщики сидят, и они, как и те, которые слушают меня по радио, могут сказать или подумать: наверное, Хрущёв изменил свою точку зрения о конском мясе, ничего здесь об этом не сказал. (*Аплодисменты*.) (Коммунизм I, 204)

Во всех вышеприведённых примерах лошадь изображалась в своём буквальном значении – сельскохозяйственным животным. Но советской пропаганде было не чуждо и метафорическое значение. Здесь вырисовывается существенное отличие от коровы и свиньи: целью метафоризации на этот раз является не человек, а абстрактное понятие «средство передвижения», с которым мы уже познакомились на примере трактора, представленного стальным конём. По клавишам метафоры особенно ударяет Хрущёв. Так, лошадь у него поднимается даже в воздух и становится космическим кораблём. Ср.:

- (14) Как изменилась доля женщин нашей страны! Теперь они, образно говоря, *оседлали космического коня*, и примером этого является героический подвиг Валентины Терешковой. (*Аплодисменты*.) (К победе, 171)

Контекстом является его приветственная речь в честь первой советской женщины-космонавта, послужившей поводом для длительного экскурса на тему изменения роли женщин в советском обществе. Однако ему самому метафора кажется такой смелой, что он прибегает к маркеру *образно говоря*, которым потом постоянно отграничивал свои метафоры Горбачёв. Но в остальных случаях конный транспорт и у Хрущёва превращается во всё более абстрактное существо. В следующих примерах лошадь представляет определённые политико-тактические смыслы и играет при этом роль скорее инструмента, нежели средства передвижения:

- (15) Делая ставку на разъединение социалистических стран, империалисты особенно рассчитывают оживить националистические предрассудки, которые остаются в наследство от старого мира. Мы должны прямо сказать врагам социализма: *и на этом коньке вы, господа, далеко не ускачете!* (К победе, 146)

В аксиологически нейтральном облике лошадь встречается нам в пословице, ср. «На старом коне, как говорится, высоких барьеров не возьмёшь!» (Коммунизм II, 61). В любом случае, на метафорических лошадях может ездить и противник. В следующем примере – он взят из речи Хрущёва во время его визита в США в 1959 году – дело доходит до конного соревнования между Востоком и Западом, в котором побеждает молодая лошадь; таким образом, в жизнь воплощается старый ленинский лозунг «Догнать и перегнать Запад!»:

- (16) Вам нравится капитализм, ну что же, Бог с вами, живите при капитализме, продолжайте ехать на своем *старом коне*. А мы на *новом, свежем, социалистическом коне*, и нам будет легче *догнать и перегнать* вас. (Жить в мире и дружбе: 333)

Метафора лошади в этом случае полностью лишена смысла, поскольку здесь она воплощает целую идеологию (социализм против капитализма); она (метафора) выступает как средство достижения цели, т.е. средство передвижения в самом абстрактном смысле. На следующих скачках империалисты сделали ставку на клячу и тут же сели в лужу:

- (17) Империалисты не раз делали ставку на *дохлую кобылу* и всякий раз садились в лужу. (Н.С.Хрущев, Жить в мире и дружбе)

И, наконец, можно использовать лексику *конёк* буквально – в значении «любимой темы», ср.

- (18) Они въехали на коньке холодной войны в конгресс и хотят держаться в том же седле. (Жить в мире и дружбе: 344)

Таким образом, метафора лошади среди прочих метафор транспортных средств оказывается самой неспецифичной: если метафора железной дороги как ленинского *локомотива революции* ассоциируется с прогрессом и, следовательно, лагерем «своих» (Weiss 2003: 321), то лошадь может находиться в распоряжении любого – она послушно рысит туда, куда захочет всадник. По всей вероятности универсальное использование лошади является всё-таки отражением предмодернистской картины мира; недаром именно Хрущёв так почитает метафору лошади. Как бы там ни было, в поле зрения

карикатуриста иногда попадают и другие верховые животные, например, кряхтящий под тяжестью хана, толстопузого кади и не менее тяжёлого муллы *верблюды* на одном из Окон РОСТА (Kummer 2006, 117) или *осёл*, на котором Гитлер в отчаянном родео скачет галопом по знаменитой благодаря фильму Эйзенштейна «потёмкинской» лестнице в Одессе. (Кукрыниксы 2006, 122). У Хрущёва осёл годится только на то, чтобы малевать хвостом картины, ср. его знаменитый комментарий по поводу современного советского искусства: «...*грязную мазню, которую может намалевать любой осёл своим хвостом*»¹⁷. Полностью изолированным оказывается вариант идиомы *врёт как сивый мерин* – *врёт как сивый Геббельс*, вошедший в пантеон «советских пословиц» (Weiss 1999, 314); как и в исходном варианте, здесь не прослеживается связь с настоящим меринком.

История *овцы* ещё короче: там, где она не упоминается в буквальном значении сельскохозяйственного животного¹⁸, всегда олицетворяет стереотип невинной жертвы в советской пропаганде и, всегда подчиняется врагу (в прототипическом случае волку, см. ниже). Правда, один раз и сам немецкий противник войны превращается в овцу в мундире как на плакате под названием «молодец среди овец / Против молодца – сам овца» (Кукрыниксы 2006: 42). Конечно, и библейская роль заблудшей овцы, в свою очередь, мало привлекательна для лагеря «своих», подобное выражение в лучшем случае можно вложить в уста другого, ср. следующую цитату из выступления перед американской публикой:

- (19) Вы против нашей концепции, а мы против вашей. Что же нам делать? Живите себе в условиях капитализма, со своими концернами и со всем тем, что вы имеете. Не помогайте *"заблудшей овце господней"* – советскому народу, который избрал путь строительства социализма! Вам же лучше будет, если мы скоро провалимся и вернемся в царство капитализма. Почему вы должны волноваться, если мы, как вам кажется, не на правильном пути?

Столь едкую иронию вызвал отказ США от предоставления Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования.

Курица в моём корпусе представлена на данный момент однократно – персонификацией, а именно как ипостась знаменитостей нацистского мира Геринга и Гиммлера, в то время

¹⁷ Для ознакомления с контекстом см. раб. Вайса (ВАЙС 2002, 237)

¹⁸ Соответствующие примеры опять-таки насыщены панегирикой производственных цифр и являются малополезными, ср.: «Чабан колхоза села Хындзореск, Горисокого района, тов. Тунян от 369 овец получил по 5,4 килограмма шерсти и от 100 овцематок по 127 ягнят.» (Коммунизм 1, 92)

как Гитлер изображён нахохлившимся петухом (рис. 12, Кукрыниксы 2006, 104). В центре внимания здесь оказывается недостаточная пригодность к полётам домашней птицы, другими словами её периферийный статус в пределах естественной категории птиц: куры не могут добраться до Альбиона, и вопрос Гитлера в 1940 году: «Куда бы нам лучше высадиться?» в 1943 году переходит в беспокойное кудахтанье: «Куд-куд-куда они могут высадиться?». К тому же вторая сцена разыгрывается под дождём, из-за чего нацистская знать превращается в *мокрых куриц*, о чём свидетельствует как их внешний вид («жалкий вид»), так и психическая конституция («о безвольном, бесхарактерном человеке»); картину дополняет сгорбленная поза. И, поскольку, помимо прочего, глаза у них сощурены, у зрителя возникают ассоциации со *слепой курицей* и, следовательно, ещё одним физическим недостатком. Итак, в данном примере вербально и графически актуализируются не менее пяти языковых элементов из куриного мира – компонент значения, две фраземы, одна из которых двузначна, лексическая функция *Sop*; кроме того, две важных человеческих эмоции (гордость и подавленность) наглядно представлены осанкой.

Рис. 12.

В остальных же случаях курица изображается конкретным поставщиком яиц, например, в несколько изменённой пословице, восходящей к известному сказочному мотиву «Умерла та курица, которая носила барам (в оригинале: татарам) *золотые яйца*». Либо она становится объектом лисьего вожделения – когда в пословице «Голодной лисе куры снятся» Хрущёв высмеивает напрасные мечты реакционеров о смерти коммунизма (Коммунизм I, 339).

Также и *кролик* представлен в моём корпусе лишь периферийно, хотя в голодные годы после 1930 г. он был востребован как дополни-

тельный поставщик мяса, что иллюстрирует следующий отрывок из мемуаров Хрущёва:

(20) Кажется, шел 1932 год. В Москве была голодуха, и я как второй секретарь горкома партии затрачивал много усилий на изыскание возможностей прокормить рабочий класс. Занялись мы *кроликами*. Сталин сам выдвинул эту идею, и я увлекся этим делом: с большим рвением проводил в жизнь указание Сталина развивать *кролиководство*. Каждая фабрика и каждый завод там, где только возможно и даже, к сожалению, где невозможно, разводили *кроликов*. Потом занялись *шампиньонами*: строили погреба, закладывали траншеи. (Воспоминания, 26)

В пропаганде кролик пока не представлен в качестве источника метафоры, в частности отсутствует коннотация плодovitости (ср. *множиться как кролики*). Таким образом, последним домашним животным для обсуждения остаётся собака. В своём буквальном значении она совершенно не интересует пропагандиста, зато полно «собачьих» метафор, целью которых являются человеческие, а точнее вражеские отношения. Помимо зафиксированного в словаре значения *лѣс 2* «о человеке, вызывающем презрение, негодование своими поступками», наиболее употребительным значением является прежде всего таковое *собаки-сторожа* или *сторожевого / цепного пса*. В этом значении лексема «собака» употреблялась ещё в Окнах РОСТА (Kummer 2006: 308-310): сторожевыми псами капитализма выступают белые генералы, обозначаемые здесь как *капитализма собаки сторожа*, а выражение «цепные псы империализма» используется десятилетиями как политическая фразема с постоянно меняющейся отнесённостью. Эту фразему к тому же переняли языки социалистических братских государств (например, ещё в 70е годы польская пресса ругала южновьетнамского президента, называя его *pies łanuchowy imperializmu*). На рис. 13 белые генералы времён гражданской войны изображены представлены цепными псами Антанты, брызгающими слюной, скалящими зубы, однако, согласно сопроводительному тексту, внушающими мало страха: «На *лсов* надежды очень мало, победы путь не так и прост, Колчак расшибся близ Урала, Бедняге отдавили хвост». Если установить связь с общеязыковой коннотацией собаки, то таковой будет не верность, а разве что собачья преданность¹⁹; решающим фактором здесь является отсутствующее самоопределение, референт в состоянии – пока он на цепи – лишь тявкать и при случае с замиранием чувств наблюдать, как его хозяин сам гложет кость, как в композиции «Фашист-

¹⁹ Так полагает Апресян (1974/1995: 67), который, обращаясь к выражению *сторожевой пѣс царизма*, приписывает заглавному слову *пѣс* коннотацию *холопская преданность*.

ская псарня» на рис. 14 (Кукрыниксы 2006: 15).

На плакате коллектива Кукрыниксы (2006: 156) саркастическое воздействие оказывает именно надпись: «Завоеватели, связанные дружбой»; можно видеть собаку с подписью «Виши», Антонеску, Квислинга и Муссолини – которых Гитлер держит на поводке и которые не проявляют друг к другу ни малейшего интереса. Характерным признаком данного стереотипа является то, что цепные псы изображаются в основном стаей, что среди прочего обуславливает необходимость в «маркировке» цели, поскольку элементы одежды (например, фуражка, эполеты) не достаточны для идентификации.

Рис. 13.

Рис. 14

Получше дела обстоят с *гончей собакой*: чтобы взять след дичи, ей всё-таки нужно передвигаться свободно – роль, которая, по мнению Хрущёва, уже во времена Бисмарка была нем-

цам не по вкусу, да и сейчас не по душе немцам ГДР. Ср.:

- (21) Канцлер Бисмарк, который, как известно, был прозорливым политиком буржуазной Германии, говорил: Я не верю, чтобы между Германией и Россией могли бы возникнуть какие-либо распри, если только в Германии не одержат верх какие-либо безответственные партии и лица. Дружба России для нас важнее всего. (Возгласы: "Правильно!"). Он с возмущением отвергал попытки иностранных держав навязать Германии роль *гончей собаки*, которую *натравливают* на Россию. (Н. С. Хрущев, За прочный мир)

Наряду с собачьей преданностью в наивной картине мира существует, однако, и противоположный стереотип: неблагодарный пёс, кусающий своего хозяина в руку. В следующей цитате старейшая испанская коммунистка Долорес Ибаррури так характеризует поведение Энвера Ходжи, проводящего политику выхода Албании из московского лагеря:

- (22) Ходжа выступил с антисоветской обвинительной речью. Он показывал клыки больше, чем сами китайцы. Тогда очень хорошо выступила Долорес Ибаррури, старейший революционер, человек, преданнейший коммунистическому движению. Она сказала: „Как это так? Выступление Ходжи подобно тому, как *пес, которому поддают хлеб, бросается и кусает руку подающего*“. Это было очень метко сказано. (Хрущев, Воспоминания, 347)

Не совсем ясно, какой же лексикографический статус следует отводить этому стереотипу: не имеется ли в виду коннотация? Если это так, то тогда, пожалуй, отсутствует языковое доказательство (фразема, деривация и пр.). Описанное в начале цитаты агрессивное поведение (скалить клыки), напротив, могло бы встретиться у Вежбицкой как компонент семантической экспликации, в ТКС же оно едва ли упоминалось бы как составляющая толкования. В целом же метафорическая собака хоть и производит неприятное впечатление, но реальной угрозы не представляет: скорее, она заслуживает нашего презрения. А в некоторых случаях она вообще опускается до уровня забавной комнатной собачки как в следующем сравнении величины армии ФРГ и Советской армии:

- (23) Кое-кто на Западе пытается доказывать, что агрессивных устремлений боннской военщины нечего опасаться, так как, мол, нынешняя армия ФРГ представляет собой не больше чем *моську, которая лает на слона*. Да, действительно, у боннской военщины, как говорится, *кишка тонка*, чтобы навязать свою волю могучему Советскому Союзу и всем социалистическим странам, способным

нанести сокрушительный удар по агрессору.
(Хрущев, Коммунизм 2, 316)

Упоминание собачьего тьяканья во второй раз уже не оказывает желаемого воздействия, и для усиления экспрессивности оратор добавляет шутливую идиому *кишка тонка*. Истериическое преувеличение типично для сталинской пропаганды, примером может служить следующий пассаж из речи генпрокурора на Московском показательном процессе, где поганые псы должны быть расстреляны; последующее изменение формы расправы, т.е. раздавливание гадов (*гадины*) больше не является катехриси-сом в этом виде дискурса:

(24) Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продавших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов! ... раздавите проклятую гадину! (Вышинский, 22.8.1936)

В целом можно констатировать, что собака в советской пропаганде действительно вела собачью жизнь. Даже в посткоммунистической России в основном собака является источником ругательств и исключения из ряда своих. Так, бывший ленинградский мэр и шеф Путина, ныне покойный А. Собчак ссылается на «Собачье сердце» Булгакова, говоря: «Я прекрасно понимаю, каким количеством Швондеров и Шариковых я окружён» (цит. по Мокиенко, Никитина 2005: 470); даже от самого Путина узнаешь, что слухи, по которым взрыв на Каширском шоссе Москвы был на самом деле организован собственной ФСБ, *собачий бред* (От первого лица 2000, 137).

Подводя итоги данного обзора «политических» домашних животных, можно утверждать, что удельный «вес» буквального и переносного значений меняется в зависимости от их вида: например, у коровы доминирует без сомнений первое, у собаки же встречается в основном только второе. Однозначное референциальное и аксиологическое отнесение допускает только метафора: в этом случае целью всегда является только чужой / враг. Что касается овцы и дойной коровы, то, как источник метафоры они не на стороне врага; благодаря своей роли жертвы они указывают на него лишь метонимически. Упоминание лошади не содержит оценочного компонента даже в метафорическом употреблении – в качестве транспортного средства либо средства достижения цели.

Графический код отражает различное соотношение источника и цели метафоры: собака и лошадь изображаются всегда полностью, у свиньи же в основном рисуют только рыло. Во время Второй мировой войны противнику «примеряли» все мыслимые образы животных: так, голову Гитлера насаживали на тело дойной коровы и свиньи (а также змеи и обезьяны); немецкий солдат превращается то в овцу, то в

собаку и т.д. Что касается вербальной метафоризации, то использование исходных коннотаций оказывается преимущественно выборочным: наиболее систематически коннотации представлены у свиньи, поскольку они все негативны, зато верность собаки вовсе не отражается. Наряду с фразеологизмами общего языка важную роль играет и набор литературных цитат, которые в большинстве случаев эксплицируются как таковые. В целом, пропаганда близка обыденной речи в том смысле, что в последней эмоциональное отношение людей к домашним животным определяется не страхом, а скорее презрением.

ЛИТЕРАТУРА:

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. – М., 1974.

Вайс Д. Новояз как историческое явление // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. – Санкт-Петербург, 2000.

Вайс Д. Советский дискурс о еде // Еда по-русски. Русский пищевой дискурс: информация, манипуляция, стереотипы. – М., 2007.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997.

Душенко К. В. Словарь современных цитат. – М., 1997.

Зализняк А. Грамматический словарь русского языка. – М., 1977.

Иорданская Л., Мельчук И. Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach. – 1980. – В. 6. – S. 191-210.

Кукрыниксы. Графика 1941-1945. – М., 2006.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии / 2-е издание, исправленное и дополненное. – М., 2005.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М., 2000.

Ржевский Л. Язык и тоталитаризм. – München, 1951.

ТКС. Толково-комбинаторный словарь русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. – Вена, 1984.

Bonnell V. Iconography of Power. Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. – Berkeley-Los Angeles, 1997.

Deni V. Ein russischer Karikaturist im Dienst der Propaganda. Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg, 1992.

Finková D., Petrová S. The militant poster 1936-1985. – Prague, 1986.

Gattiker E., Gattiker L. Die Vögel im Volksglauben. Eine volkskundliche Sammlung aus verschiedenen Ländern von der Antike bis heute. – Wiesbaden, 1989.

Isačenko A. V. Figurative meaning, derivation, and semantic features // The Slavic Word. – 1972. – P. 76-95.

Kania S. Polska gwara konspiracyjno-partyzancka czasu okupacji hitlerowskiej 1939-1945. – Zielona Góra, 1975.

Kummer R. Nicht mit Gewehren, sondern mit Plakaten wurde der Feind geschlagen! Eine semiotisch-linguistische Analyse der Agitationsplakate der russischen Telegrafagentur ROSTA. – Bern-Frankfurt e.a., 2006.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago & London, 1980.

Weiss D. Kleine Einführung in die russische Zoollinguistik // Slavistische Linguistik 1997. Referate des XXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Tübingen / T. Berger (Hrsg.). – München, 1998a. – S. 273-324.

Weiss D. Die Entstalinisierung der Propaganda (am Beispiel der Sowjetunion und Polens) // Schweizer Beiträge zum XII. Internationalen Slavisten-Kongress in Krakau, August 1998 / J.P. Locher (Hrsg.). – Frankfurt-Bern, 1998b. – S. 461-506.

Weiss D. Der alte Mann und die neue Welt. Chrusčevs Umgang mit „alt“ und „neu“ // Vertograd mnogocvètnyj. Festschrift für H. Jachnow // W. Girke, A. Guski e.a. (Hrsg.). – München, 1999a. – S. 271-292.

Weiss D. Mißbrauchte Folklore? Zur propagandistischen Einordnung des „sovetskij fol'klor“ // Slavistische Linguistik 1998. Referate des XXIV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Wien // R. Rathmayr / W. Weitlaner (Hg.). – München, 1999b. – S. 283-324.

Weiss D. Die Verwesung vor dem Tode. N.S. Chrusčevs Umgang mit Fäulnis-, Aas- und Müllmetaphern // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Ders. (Hg.). – Bern-Frankfurt, 2000. – S. 191-257.

Weiss D. Personalstile im Sowjetsystem? Stalin und Chrusčev im Vergleich. In: N. Boškovska, P. Collmert, S. Gilly u.a., Wege der Kommunikation in der Geschichte Osteuropas. Festschrift für C. Goehrke. – Bern; Frankfurt, 2002. – S. 223-252.

Weiss D. Stalinistischer und nationalsozialistischer Propagandadiskurs im Vergleich: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Frankfurt / H. Kuße (Hg.). – München, 2003. – S. 309-356.

Weiss D. Ungeziefer, Aas und Müll. Zu den Feindbildern der Sowjetpropaganda Oesterreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften / Ph. Sarasin (Hg.). – 2005a – B. 16. – Heft 3. Fremdkörper. – S. 109-122.

Weiss D. Sowjetische Nahrungsmittelwerbung: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2003 / S. Kempgen (Hg.). – München, 2005b. – S. 325-362.

Wierzbicka A. Lexicography and Semantic Description. Ann Arbor, 1985.

© Вайс Д., 2008

Васильев А. Д.
Красноярск, Россия

**ИГРЫ В СЛОВА:
РОССИЯНЕ ВМЕСТО РУССКИХ**

Abstract

The author compares the meaning and usage of the words and expressions "the Russian citizens" (the people that live in Russia but do not belong to the Russian ethnic group) and the Russians (the people that belong

to the Russian ethnic group). The author concludes that in the contemporary political communication the usage of these words is often the means of manipulation.

Всякая игра что-то значит...

«Ради чего» – в этих словах, собственно, самым сжатым образом заключается сущность игры.

И. Хейзинга

Один из признаков развития значения слова видят в изменении его лексических связей, в которых оно проявляет себя в языке: «так сказать, движение внутри значения, изменение его объёма» [Ковтун 1971:81]. При изучении судеб как отдельных слов, так и крупных лексических пластов принимают во внимание, что смысловые изменения в лексике вовсе не обязательно имеют внешне-формальное выражение: чаще при семантических сдвигах в словах возникает специфическая сочетаемость, образуются новые конструкции и т. п. Отсюда – закономерный вывод о сугубой важности возможно более полного учёта контекстных данных в историко-лексикологическом исследовании: «внутри-словные смысловые изменения и контекст представляются разными сторонами одного явления, в равной мере показательными для происходящих сдвигов в лексике» [Веселитский 1972: 14].

Контекст, содержащий исследуемое слово (извлечённое таким образом «из недр своего существования с грунтом» [Котелова 1995: 17]), может рассматриваться как фрагмент речевого потока, где обычно и создаются условия для закономерных и вместе с тем часто неожиданных смысловых переходов, смещений [Сорокин 1965: 540]. Правила семантической синтагматики слов (имеющие силу закона) предписывают в качестве основного критерия наличие двух у слов, «помимо специфически различающих их сем, одной общей семы» [Гак 1972: 374] (см., например, также вывод о необходимости согласования коннотативных сем, или коннотем) [Тулина 1992: 83-84].

Коннотация – «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального или окказионального характера», в широком смысле – это любой компонент, которым дополняется предметно-понятийное (денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы, приобретающей, таким образом, экспрессивную функцию «на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи». В узком же смысле коннотация определяется как «компонент значения, смысла языковой единицы, выступаю-